

А. Н. Островский

Сочинения

Том 5-7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-77

Островский А.Н.
О-77 Сочинения: Том 5-7 / А. Н. Островский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 1000 с.

ISBN 978-5-517-98432-6

ISBN 978-5-517-98432-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУЧИНА.

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Кирилль Филиппычъ Кисельниковъ, молодой человекъ, 22-хъ лѣтъ.

Антонъ Антонычъ Погуляевъ, студентъ, кончившій курсъ, 21-го года.

Пудъ Кузьмычъ Боровцовъ, купецъ, 40-ка лѣтъ.

Дарья Ивановна, жена его.

Глафира Пудовна, ихъ дочь, 18-ти лѣтъ.

Лугъ Лукичъ Перяевъ, чиновникъ.

Иона Ионычъ Турунтаевъ, военный въ отставкѣ.

Гуляющіе обоего пола.

Нескучный садъ. Лугъ между деревьями; впереди дорожка и скамья; въ глубинѣ дорожка, за дорожкой деревья и видъ на Москву-рѣку. — Около 30 лѣтъ назадъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Проходятъ купцы съ женами.

Купецъ.

Ай да Мочаловъ! Уважиль!

Жена.

Только ужъ эти представленія смотрѣть ужъ очень жалостно, такъ что ужъ даже черезчуръ.

Купецъ.

Ну да, много ты понимаешь!

Жена.

Чего жъ тутъ не понимать-то! Извѣстное дѣло, все отъ пріятелей; это мы и прежде знали.

2-й купецъ.

Ужъ точно, что уважилъ. Не жаль деньги заплатить.

1-й купецъ.

Какъ написано, что „жизнь игрока“, такъ онъ точно игрока и представилъ.

Жена.

Съ кѣмъ поведешься, таковъ и самъ будешь. Вотъ теперича Мочаловъ связался съ этимъ... какъ его...

2-й купецъ.

Съ Валмиромъ.

Жена.

Ну, тамъ, какъ ни на есть. Связался съ нимъ, ну и въ бѣдность пришелъ, и все такое.

2-й купецъ.

И даже въ уголовномъ дѣлѣ попался. Это вы вѣрно, что отъ пріятелей. Отъ кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому въ голову не придетъ. А все отъ другихъ.

1-й купецъ.

И все это вы пустяки говорите. Всякій себѣ самъ виновать. Коли я добрый человѣкъ, да имѣю свой разумъ, такъ что мнѣ пріятели? Все одно, что ничего. А коли я дуракъ, либо мошенникъ, да ежели началъ распутничать, такъ ужъ ничто дѣлать, что на пріятелей сворачивать.

2-й купецъ.

Но, однакожь...

1-й купецъ.

Что „однакожь?“ Стой твердо, потому одинъ отвѣчать будешь! Отвѣчика за себя не поставишь. Какъ жияль, что дѣлалъ? Такъ и такъ, моль, пріятели. А у тебя есть своя голова на плечахъ? Законъ знаешь? Ну, и шабашъ, и конченъ разговоръ.

Жена.

А другой человѣкъ увлекательный?

1-й купецъ.

Ну, такъ что жъ! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена.

Да, вѣдь, жалко.

1-й купецъ.

Ничего не жалко. Знай край, да не падай. На то человеку разумъ данъ. (*Проходятъ. Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.

Погуляевъ.

А какъ хорошъ былъ сегодня Мочаловъ. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студентъ.

Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студентъ.

Всѣ эффекты, всѣ ужасы нарочно прибраны, какъ на подборъ. Вотъ, молъ, если ты возьмешь карты въ руки, такъ убьешь своего отца, потомъ сдѣлаешься разбойникомъ, да мало этого — убьешь своего сына.

1-й студентъ.

Какая это пьеса! Это вздоръ, о которомъ говорить не слѣдуетъ. „Чортъ не такъ страшень, какъ его пишутъ“. Чорта нарочно пишутъ страшнѣе, чтобъ его боялись. А если чорту нужно соблазнить кого-нибудь, такъ ему вовсе не расчетъ являться въ такомъ безобразномъ видѣ, чтобъ его сразу узнали.

Всѣ (*смѣются*).

Ха, ха, ха! Да это правда. (*Входитъ Кисельниковъ, щегольски одѣтый.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Погуляевъ, Кисельниковъ и студенты.

Погуляевъ.

А, другъ любезный! Какъ я тебя давно не видалъ!

1-й студентъ.

Гдѣ ты пропалъ?

2-й студентъ.

Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видалъ.

Поголяевъ.

Ты не кончилъ курса?

Кисельниковъ.

Не кончилъ.

Поголяевъ.

Отчего же?

Кисельниковъ.

Да такъ, не кончилъ, да и все тутъ. Впрочемъ, я занимаюсь, я много занимаюсь; а такъ, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочемъ, я еще это все успѣю.

1-й студентъ.

Какой вечеръ превосходный!...

Кисельниковъ.

Удивительный вечеръ! Воздухъ какой! Что за нѣга! Я теперь, когда сталъ свободнымъ человѣкомъ, весь отдаюсь природѣ, наслаждаюсь ею вполне. Вы этой прелести не знаете, вы — люди ученые, занятые.

Поголяевъ.

Ты совсѣмъ перемѣнился, тебя и узнать трудно.

Кисельниковъ.

Что же, я лучше сталъ, или хуже?

Поголяевъ.

Не знаю, какъ сказать! Только жаль, что ты бросилъ университетъ.

Кисельниковъ.

Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вамъ все расскажу. Отецъ у меня былъ строгій, капризный старикъ, не пускалъ меня нигуда изъ дому, не давалъ мнѣ ни копейки денегъ. По вечерамъ насильно заставлялъ меня сидѣть за лекціями. Все это мнѣ надоѣло и опротивѣло до-нельзя. Въ прошломъ году онъ умеръ и оставилъ мнѣ порядочное состояніе. Вдругъ въ моемъ распоряженіи довольно денегъ, а главное — свобода; ну, разумѣется, я сейчасъ же захотѣлъ воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; такимъ образомъ я, мало-по-малу, отсталъ отъ университета. Впрочемъ, я догоню, стоить только заняться... Стихи пишу отъ скуки, выходитъ недурно.

2-й студентъ.

Что же ты думаешь съ собой дѣлать?

Кисельниковъ.

Вотъ выдержу на кандидата, поѣду въ Петербургъ, поступлю на службу. А пріятно пожить на свободѣ!

1-й студентъ.

Свобода свободой, а все же падо дѣлать что-нибудь; безъ этого нельзя.

Кисельниковъ.

Разумѣется. Я непременно займусь дѣломъ; теперь у меня голова занята.

Погуляевъ.

Чѣмъ это?

Кисельниковъ.

Какъ бы тебѣ это сказать? Ну, просто, я влюбленъ безъ памяти.

2-й студентъ.

Вотъ какъ! Ну, что же, и счастливо?

Кисельниковъ.

Да, конечно.

Погуляевъ.

О, братъ, твоя жлзнь завидная!

Кисельниковъ.

Да, именно, мнѣ можно позавидовать. Дня черезъ два и свадьба.

Погуляевъ.

Такъ скоро?

Кисельниковъ.

Что жъ ждаты-то! Теперь и жить, пока молоды.

1-й студентъ.

Да, вѣдь, ты еще не доучился, ты самъ сознаешься. Помому, нужно сначала доучиться, да потомъ себѣ опредѣленное положеніе найти, тогда ужъ и жениться. А главное-то — нужно средства имѣть.

Кисельниковъ.

У меня средства есть.

2-й студентъ.

А позволъ спросить, какія?

Кисельниковъ.

Свой домикъ есть, тысячь семь денегъ.

Поголяевъ.

Долго ли же ихъ прожить, ничего-то не приобретаая?

Кисельниковъ.

За женой возьму; тестъ обѣщаль шесть тысячъ.

1-й студентъ.

Во-первыхъ, обѣщанія не всегда исполняются, а во-вторыхъ, съ деньгами нужно обращаться умѣючи: или онѣ у тебя будутъ лежать безъ всякой пользы, или ты ихъ проживешь скоро.

Кисельниковъ.

У меня есть дѣловой человѣкъ, я отдамъ ему деньги на его обороты, онѣ мнѣ будутъ проценты платить.

Поголяевъ.

А его обороты лопнутъ, что тогда?

Кисельниковъ.

Этого быть не можетъ... онѣ — купецъ извѣстный.

2-й студентъ.

А по-моему, нѣтъ ничего лучше, какъ жить на свои трудовыя.

Кисельниковъ.

И я буду трудиться, буду служить.

Поголяевъ.

А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имѣя чина? Сто, двѣсти рублей, не больше. Заведутся дѣти, будетъ нужда-то подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крючкомъ согнешь. Ахъ, скверно!

Кисельниковъ.

Ну, вотъ какія мрачныя картины! Главное, что мнѣ правится въ семействѣ моего тестя — это патриархальность. Самъ я человѣкъ смирный...

1-й студентъ.

Да, вѣдь, патриархальность — добродѣтель первобытныхъ народовъ. Въ наше время пужно дѣло дѣлать, нужны и другія достоинства, кромѣ патриархальности.

2-й студентъ.

Патриархальность-то хороша подъ кущами, а въ городахъ нужно пожинать плоды цивилизаціи.

Кисельниковъ.

Ну, да во всякомъ случаѣ я ужъ рѣшился; что сдѣлано, того не веротишь. (*Поголяеву.*) А ты что думаешь съ собой дѣлать?

Погоуляевъ.

Я ѣду въ Петербургъ. Я нашель частную должность, да займусь журнальною работою; коли гожусь на это дѣло, такъ ладно, а то другой работы пощю.

Студенты.

Прощай, Погоуляевъ! Прощай, Кисельниковъ!

2-й и 3-й студенты.

Желаемъ тебѣ счастья! (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Погоуляевъ и Кисельниковъ.

Кисельниковъ.

Погоуляевъ, ты добрѣе ихъ; пойдемъ, я тебѣ покажу свою невѣсту.

Погоуляевъ.

Покажи.

Кисельниковъ.

Вонъ она идетъ съ своимъ семействомъ.

Погоуляевъ.

А еще-то съ ними кто же?

Кисельниковъ.

О, это все милѣйшіе и самыя простыя люди! (*Входятъ Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ въ форменномъ фракѣ, трость съ золотымъ набалдашиникомъ, и Турунтаевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Погоуляевъ, Кисельниковъ, Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ и Турунтаевъ.

Переярковъ.

Посмотрите, посмотрите, что за картина! (*Показываетъ тростью на западъ.*) Солнце склоняется къ западу, мирные поселяне возвращаются въ свои хижины, и свирѣль пастуха... (*Обращаясь къ проходящему.*) Потише, милостивый государь! Потише, говорю я вамъ!

Проходящій.

Извините!

Переярко́въ.

Надо различать людей. (*Показывая на свой орденъ.*) Видите, милостивый государь.

Поголяевъ.

Про какую онъ тамъ свирѣль говорить? Никакой свирѣли не слышно.

Кисельниковъ.

Ну, ужъ это нужно ему извинить. Зачѣмъ къ такимъ мелочамъ привязываться? Онъ — человѣкъ отличный. Люди семинарскаго образованія всегда склонны къ риторикѣ.

Переярко́въ (*указывая тростью*).

Солнце склоняется къ западу...

Боровцова.

Отчего же это оно къ западу? Развѣ ужъ ему такой предѣлъ положенъ?

Боровцовъ.

Извѣстное дѣло — предѣлъ, а то еще что же!

Боровцова.

А какъ въ чужихъ земляхъ? И тамъ тоже солнце на западъ садится?

Переярко́въ.

Навѣрное-то сказать трудно, потому что во многихъ земляхъ, гдѣ у насъ западъ, тамъ у нихъ востокъ приходится. Да вотъ Иона много походовъ сломалъ, онъ намъ скажетъ. Ну, какъ въ Турціи, гдѣ солнце садится?

Турунтаевъ.

Постойте, постойте! Вотъ такъ Шумла (*показываетъ руками*), вотъ такъ нашъ лагерь, а солнце садилось вотъ такъ, въ эту сторону.

Боровцова.

Хорошо бы побывать въ разныхъ земляхъ, чтобы знать, какъ у нихъ тамъ: какъ солнце садится, какъ другое что.

Боровцовъ.

Все это — суемудріе, мечта. Мы на этомъ свѣтѣ все равно, что въ гостинницѣ; тамъ ужъ гдѣ ты ни живи, все одинъ конецъ. Семейный человѣкъ живи въ своей семьѣ, потому онъ — глава. Куда я, семейный человѣкъ, поѣду? Конечно, кто праздношатающій...

Переярковъ.

Или по службѣ...

Турунтаевъ.

Пошлютъ, пойдешь.

Боровцовъ.

Про службу что и говорить! Служба особь-статья. Если ты по службѣ куда идешь, такъ ужъ это, значитъ, твое должное.

Переярковъ.

Какой тутъ разговоръ.

Турунтаевъ.

Намъ вездѣ свой домъ.

Боровцовъ.

И опять же ваша пѣшая служба супротивъ морской много легче. Вы то возьмите: другой разъ пошлютъ съ кораблемъ-то отыскивать, гдѣ конецъ свѣту; ну, и плывутъ. Видятъ моря такія, совсѣмъ невѣдомыя, морскія чудища кругъ корабля поднимаются, дорогу загораживаютъ, вопять разными голосами: птица-сирень поетъ; и нѣтъ такой души на кораблѣ, говорить, которая бы не ужасалась отъ страха, въ онѣмѣніе даже приходять. Вотъ это — служба!

Погуляевъ.

Что они говорятъ?

Кисельниковъ.

Добрые люди, другъ мой, добрые люди! Ты критику-то оставь. Они — люди неученые, это правда; за то сердце у нихъ лучше нашего. Подойдемъ къ нимъ, я тебя познакомлю. *(Подходятъ.)*

Боровцовъ.

Вотъ и женихъ. Гдѣ это ты запропала? Посмотри, невѣста-то ужъ плачетъ, что давно не видала.

Глафира.

Ахъ, что вы, тятенька! Даже совсѣмъ напротивъ.

Боровцовъ.

А ты, дура, нарочно заплачь, чтобъ ему было чувствительнѣе.

Кисельниковъ.

Вотъ позвольте познакомить васъ съ моимъ товарищемъ.

Боровцовъ.

Оно, конечно, безъ товарищевъ нельзя; только ужъ женатому-то надо будетъ отъ нихъ отставать; потому отъ нихъ добра мало. А какъ ваше имя и отчество?

Погоуляевъ.

Антонъ Антонычъ Погоуляевъ.

Боровцовъ.

Такъ-съ. Состояніе имѣете?

Погоуляевъ.

Нѣтъ.

Боровцовъ.

Плохо. Значить, вы моему зятю не компанія.

Кисельниковъ.

Это все равно, мы съ нимъ съ дѣтства друзья.

Переярко́въ.

Вы кончалой?

Погоуляевъ.

Да; то-есть, я кончалъ курсъ.

Переярко́въ.

Ну, я про то-то и спрашиваю. Изъ разночинцевъ?

Погоуляевъ.

Изъ разночинцевъ.

Переярко́въ.

Изъ мѣщанъ, или изъ приказныхъ дѣтей?

Погоуляевъ.

Мой отецъ былъ учитель.

Переярко́въ.

Ну, все одно, что изъ приказныхъ. Теперь разночинцамъ дорога, кто кончитъ въ университетѣ.

Турунтаевъ.

Вы въ военную! Черезъ полгода офицеръ; дворянинъ, значить; вы грамотей, такъ, пожалуй, казначеемъ сдѣлають; послужите, роту дадутъ; наживите денегъ, да крестьянъ купите — свои рабы будутъ. Вы, вѣдь, не изъ дворянъ, такъ это вамъ лестно.

Переярко́въ.

Хорошо и въ штатскую. Я до титулярнаго-то двадцать-пять лѣтъ служилъ, а вась, гляди, года черезъ четыре произведутъ.